

Илья Сергиевский

Букет для никого

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
С32

Сергиевский И.

Букет для никого / Сергиевский И. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 120 с.

ISBN 978-5-532-93398-9

Заблудится в себе так же легко как и в туманном лесу. В чувствах. желаниях химерах и направлениях. И нет ни одного направления куда идти. Но есть шум моря который надо услышать. И мотоцикл который туда довезёт. Содержит нецензурную брань.

Самая прекрасная пора в Питере – это весна. Весна не мартовская, а вот именно апрельская или майская.

Майская не так всё же. Апрельская – она ещё робкая такая, только как бы предчувствие надвигающихся перемен, а майская – она как бы уже к чему-то обязывает. Мартовская весна и вовсе не весна, а просто солнечная зима. И единственное позитивное от мартовской весны в том, что ещё не видно собачьих куч. В апреле кучи уже наружу, но это как-то не печалит, а наоборот. Улыбок на улице больше и это странно. Хочется выйти на улицу и пропустить людей через мясорубку добра. И таких полно. И все радуются.

Солнышку радуются и воробьям. То, что можно скоро одеть кроссовки и снять свитер. Что можно снять шапки и пуховики. Что скоро опять пиво можно будет пить в охотку. Что наконец-то этот кошмар под названием «питерская зима» закончился.

У всех предчувствие какое-то. Каждый что-то ждёт. Наверное, помереть вот хуже всего в апреле. Обидно как-то. Все радуются, у всех надежды, а тебя, дурака такого, прикапывают. Хотя у всех позитив будет после похорон.

Другое дело осенью. Кладбище, морозящий дождь, сыро, уныло и тускло. Все промокли и замёрзли. И только ты лежишь в сухом и тёплом ящике. И тебе плевать на всех. Костюм тройка, пенсне, презерватив и галстук. Почти всех же хоронят в строгих костюмах. Так что когда будет страшный суд или зомби-апокалипсис, это будет очень серьёзное мероприятие.

Почему презерватив? Ну а откуда я знаю. Ладно, несёт куда-то не туда.

Все радуются весной в Питере – и точка. Город-сказка, город-мечта; попадая в эту жопу, пропадаешь навсегда.

И сам такой прямо почками чувствуешь, что этой весной ты распустишься. Впрочем, иногда хочется простого человеческого насилия. Но это так, личное.

И мы радовались. Втроём.

Дело было так: сидели мы в Катькином садике. Млели. Солнце весеннее. Кусты чирикали воробьями. Благость на душе.

Паша, Индеец и я.

Мы друганы, но все разные. Тёплое лежащее рядом счастье.

Паша похож на офицера СС. Белокур, светло глаз, с прямой спиной. Родом из города Арзамас-16, где атомную бомбу делали. Родился с серебряной ложкой в заднице. Профессорская семья. Мама – заслуженный учитель. Высшее образование у Паши. Прекрасная правильная русская речь с красивой жестикуляцией. Спортсмен-медалист. Занимался вольной борьбой вместе с голливудской звездой Олегом Тактаровым. И даже, как утверждает, пару раз его забарывал. Снимался в голливудском фильме «Екатерина молодая». Видеокассеты с этим фильмом трепетно хранит до сих пор. Хотя уже видеоманитофонов ни у кого нет. Первая жена – Мисс Белоруссия. Ездил в Америку по обмену студентов. Сейчас чёрный риелтор. Проходит по разным уголовным делам, связанным с квартирными махинациями. Жена Мисс Белоруссия с ним развелась из – за сердечного Павликого в непостоянства. Слаб Паша на передок до нельзя. Моральный рахит.

В данный момент у него условный срок, поэтому он святее Папы Римского. И у него в кармане около пяти трубок мобильных с разными сим картами. Они беспрерывно звонят разными песнями и колокольчиками и он похож на человека-оркестр. Паша здесь с двадцати лет. Приехал как строитель дамбы и даже получил комнату в общежитии. С дамбы он как то уволился, а комната, каким то кривым зигзагом у него осталась. Ходить туда Паша боится. В комнате ничего нет. Туда только повестки с милиции приносят. Весь пол в них. По ним Паша не является и об их существовании узнаёт раз в год. Впадает в панику и начинает бухать. Меняет телефоны. Потом успокаивается, и жизнь продолжается.

Иногда ему звонят соседи и говорят, что там у него в засаде менты сидят. Паша впадает в панику и начинает бухать. Меняет телефоны. Потом успокаивается, и жизнь продолжается.

Иногда звонят и менты и соседи сразу и предупреждают что у него в комнате, какие то тревожные пацаны в спортивных костюмах и нехорошем прищуром. Паша впадает в панику и начинает бухать. Потом меняет телефоны. Успокаивается, и жизнь продолжается.

Тактика такая, как ни странно, приносит свои удивительные плоды. У милиции есть жёсткие сроки по уголовным делам, а гоняться за Пашей по всему городу никому не хочется. Поэтому, прождав Пашу пару месяцев и выслав ему с десятка повесток, в прокуратуре потихонечку к нему остывают. И как-то там мухлюют, и либо переводят косяки на кого-нибудь, либо просто дело разваливается, да и всё. В большинстве случаев это срабатывает.

С тревожными пацанами ситуация аналогичная. У тех хоть и нулевой документооборот, но сроки не в пример сжаты, да и вообще.

Но иногда фарт заканчивается, и у Павлика начинаются весёлые дни: дверь с петель, обыски. Пару раз с поезда даже снимали, когда он, чуя анусом жареный лом, пытался по-тихому свалить в Арзамас. А недавно вообще он почти год жил в Тихвине, потому что кинуть умудрился сразу и ментов, и бандитов. И ещё кого-то очень жуткого.

Заготавливал в Тихвине веники для бани и читал стихи Есенина местным маргинальным бабёнкам. Бабёнки в жизни не слышали ничего такого и поэтому, чуя женским сердцем что-то трепетное, отдавались ему самозабвенно. Паше можно было бы позавидовать, но я этих бабёнок видел. Уверяю, завидовать не надо. Я бы в голодный год за самосвал блинов не стал бы это делать. Стихи бы почитал, конечно, но только за еду.

А ещё Павлик верующий. Но немного странно. Когда он кого-нибудь хочет кинуть на жильё он идёт в церковь. Ставит свечку и усердно молится за успех предприятия.

Индеец – тот ещё тип. Ростом под сто девяносто. Фигура македонского солдата. Чёрные волосы, длинные. В хвосте. Похож на Гойко Митича. Закончил зачем-то гидрометеорологический институт. И, как практикант чего-то там с погодой и течениями, на морском корабле осуществил научное плавание вокруг Африки. Из плавания он привёз череп африканской женщины и привычку к красной фасоли. Жил Индеец на Марата в хорошей комнате, и вся комната у него в музыке. На виниле, на бобинах магнитофонных. Аудио аппаратура неплохого качества, советская. Хорошо у него было. Большого, правда, ничего не достиг. Когда-то он неплохо зарабатывал, но вляпался в религию и пропал. А я помню, как мы с ним зарабатывали

на протяжении недели по четыре тысячи долларов в день. Не постоянно, конечно, но тоже неплохо. Время то ушло, и после совместного триппера, который потряс Индейца до кукушек, он ослабел. Или усилился. Стрёмными делами не занимается больше. В церковь ходит по воскресеньям. Сильный всё же человек. Я вот так и не смог.

Как вы должны были заметить ничего высшее образование этим хлопцам не дало кроме пустых хлопот.

А я? А я тридцатилетний балбес, приехавший сюда из Тулы. Детская комнаты милиции. Отца нет, мать всю мою сознательную жизнь бухала, и от папок, которые появлялись в моей жизни, рябило в глазах. Один запомнился тем, что стоял голый посреди комнаты на табуретке в милицейской шинели и, размахивая моей хоккейной клюшкой, пел: «Я из проституток проститутка», а потом: «Потолок ледяной, всюду жопы, а из окон торчат черножопые!» Ну и так далее. Репертуар был разнообразен и кардинально противоположен, советским песням.

Мне в принципе это нравилось.

Такое детство закалило меня и дало живость ума. Маманю два раза упекли лечиться от алкоголизма. Оба раза по два года. И вот это время и было для меня чудесной юностью. Никаких институтов, только спортивные секции. Тянуло меня к ним то, что там давали талоны на еду и витамины в баночке. И я с уверенностью могу сказать, что Родина-мать выкормила меня своей могучей грудью.

И яблони.

Тульские яблони и две сливы в детском саду напротив моего красно кирпичного дома.

Яблони росли в каждом районе, и я каждую знал лично. Я до сих пор могу с обезьяньей ловкостью залезть на любое дерево, поражая зрителей, особенно по пьяни. Мастерство вообще пропить не получается.

Деньги добывал, как мог.

Однажды даже стал черепаховым королём города Тулы. Ползала у меня эта костяная дрянь, и я решил от неё избавиться. Пошёл на рынок и встал сиротливо с ней. Да и продал в три минуты за пять рублей.

Вот это да!

Тут же пулей поехал в зоомагазин, а там эти бродячие панцири по рублю.

Купил пять – продал за двадцать пять.

Купил двадцать пять черепах – и неожиданно разбогател. Стал черепаховым олигархом. Ну, думаю, с жизнью у меня всё уже налажилось. 125 рублей не шутка. У кого угодно голова от таких денег съедет на бок. А мне всего двенадцать лет. Даже не знал, о чём мечтать ещё.

А тут раз – и черепахи кончились. Какой удар от неизвестного мне поставщика черепах в город!

Так я разорился в первый раз.

А потом стал ездить в Москву фарцевать. Ну, тут и детство кончилось. И, в принципе, сказке наступил конец. Потому что именно в это время СССР кончился и лет десять ничего не начиналось.

Шпанёныш бывший я. Но, как все приезжие в Питер, отчаянно цепляюсь за жизнь тут всеми когтями.

И ещё: по гороскопу я родился в созвездии чёрта.

Все мы из разных дыр, но Питер – наша главная Родина. Ну а как иначе? Хотя сюда дороги и не стелились скатертями.

Итак, празднуем мы Индейское освобождение из КПЗ. Ну как празднуем – сидим на солнце, жмуримся, пиво пьём. В апреле уже кайфово пиво пить вот так просто на лавочке. А в Катькином садике вообще благодать. Нет ни говен собачьих, ни ментов. Они сюда как-то не заглядывают, хоть и центр. Ни собаки, ни менты. И пацанов тревожных в трениках что характерно тут отчего то тоже нет.

Павлик в итоге душевно спокоен только курит так что диву даёшься.

Замели Индейца ни за что. Сидит он такой дома и ничего не делает. Редкие мгновения. И, чу – звонок в дверь. Заходит телочка, с которой были когда отношения в институте Гидромета. Прошу заметить, Индеец не заманивал её похабно.

– Пойдём, – дескать, – я тебе покажу свою гирлянду.

Нет. Повторюсь, сидел «Пинк Флойд» слушал. НА бабинном магнитофоне через шикарные колонки Радиотехника с-90.

А с ней мальчик лет десяти. Фиг знает, чей и откуда. Просто пацан и всё. А Индеец и не спрашивает. И чувиха такая:

– Игорёк, можно мы тут у тебя до метро посидим, ибо опоздали?

Ну, Индеец без задней мысли:

– Да милости просим!

Девке вино. О том, о чём поговорили, про институт; а мальчика спать положили на матрас. У Индейца всегда матрас наготове был, так как в центре жил.

И я там спал. Было дело и не раз.

Ну и туда-сюда. Рассвет в окошке на улице Марата. И чувиха ушла, а мальчик спит. Шесть утра, не будить же. А Индеец спросить забыл, кто он, так как на кидался с ней вина. И тоже уснул, но на своей кровати. Проснулся в двенадцать. Пацана накормил фасолью, напоил чаем и проводил с богом. Божий человек. И по делам пошёл. Поверьте, так и было. Время что ли было раньше такое. Человечное что ли какое-то. Никаких других мыслей.

Ну, так вот, сидит Индеец дальше. Днём уже и кушает фасоль красную. О жене думает. Она у него на пятнадцать лет моложе и красивая. По-любому только о ней и будешь думать.

И вдруг треск в восемь вечера. Дверь с петель. Уж не жена ли дверь выбила с ноги? Но не тут-то было. Какая на фиг жена!

Менты! В ужасающих количествах с пистолетами. И вот висит Индеец в углу на пистолетных дулах. И куча ментов, зубами лязгая в его сторону, рычат. Заходит вчерашняя бабища и пальцем на Игоря:

– Да, это он.

И выходит. И менты смотрят после этого на Индейца белыми глазами и жалеют, что он не оказывает сопротивления. И всем в него хочется выстрелить. Ну, или по пинать. Череп человеческий обнаружили. Он на полке стоял.

– Всё понятно! – менты говорят.-Он.

И только один Игорь не понимает в чём дело. На Литейный его. В подвал.

– Есть там в подвале трубы, – это Индеец нам рассказывает, – под потолком, и на них я и висел. Руками. В наручниках. Страшное дело. И тишина. И лампа дневного света моргает и гудит. А под утро люди

в погонах приходили. Как вещь меня разглядывали. И довольно жмурились. Друг друга поздравляли и кивали. «Да, это он!» – говорили. И ушли. В темноте с эхом щёлкнул выключатель.

Вот такая вот херь.

Двое суток там Индеец провисел, на пуантах стоя. В третьей позиции. Пока всё же не выяснили, что ни при чём он. Там что-то этот говнюк малолетний кому-то наплёл, что ночевал у дяди, к которому его привела тётя. И у дяди череп на полке и страшная музыка.

А в это время кого-то безуспешно ловили по городу. Тоже дядя, маленькие говнюки и тётки фигурировали. И кого-то съели или только надкусили.

А тут вот же. Всё сходится. Пожалуйста. Дядя, тётя и мальчик с ночёвкой. Череп. «Пинк Флойд». Страшная музыка.

Тыфу, мерзость какая. Похабная ситуация. Не каждому и расскажешь. Но нам можно. Мы друзья. Сидит Индеец и радуется, что всё обошлось. Паша радуется. И я радуюсь. И воробьи в кустах тоже с нами заодно. И дерьма вокруг нет, и ментов тоже. И пацанов.

Павлик чирикнул пейджером. Прочитал и хмыкнул:

– А вот давай, – говорит, – сравним, у кого смски смешнее с угрозами.

– Давай.

Павлик читает:

– Павл хитрый верни деньги, а то я твой рот отец буду, – это его любимые клиенты по недвижимости. Павлик любит найти какого-нибудь алкаша и водить к нему покупателей. Обычно нерусских.

– Смотрите, – как зазывала в балагане, – какая сказочная квартира! – говорит он им. – Как вам сказочно повезло, потому что я в армии с вашими земляками служил и вас безмерно уважаю. Вот, – говорит, – этот человек ко мне по старой дружбе обратился, что хочет квартиру продать, и к кому же мне идти с предложениями, как не к вам, к братьям?

Метла у Паши не то что быстрая, но с интеллигентным шармом, и азербайджанцы томно в неё вслушиваются, как в песню.

– Но нужен аванс, джентльмены! Квартплата, то-сё. И вот же она, квартира дешёвая. Только для моих близких.

Дальше берёт аванс. И так раз двадцать. У каждого, но немного. Чтобы не убили. На а дальше фокусы: то квартира служебная, то алкаш не хозяин. Но это уже детали. То Паша в Арзамасе или Тихвине. Ну и телефоны конечно другие.

– Иля хватит Абан ибать сейчас у твой дом папробуй двер не откривать, – парирую. А это уже мой клиент узбек. Но у меня не так жёстко. Я обычно им гражданство делаю и прочие бумажки. Рычат они в основном из-за сроков, так как сроки редко когда соблюдаются. Россия ибо. Но многие почему-то злятся.

А я тут при чём? Но зато, когда я документ всё же сдаю им... Ух! Каждый ещё пятерых ведёт. Я, получается, друг узбекского народа.

Один-один.

– Как вы так живете? – хмыкнул Индеец. Это он после КПЗ правильный такой.

В это время мимо нас на цыпочках и пытаюсь рукой снизу отцепить что-то невидимое, сидящее у него на спине, просеменил молодой пацан. Невидимый горб на спине не отцеплялся, и он, с ужасом выворачивая голову, пытался увидеть, что у него там за спиной.

– Грибы или бутерат? – спросил я у парней.

Индеец открыл один глаз и изрёк:

– Если это горб, и он улыбается, то это бутерат, ну а если там у него кто-то сидит, то это грибы.

Парень уже в третий раз обегал вокруг памятника царице Екатерине, с ужасом подвывая. Со всех лавок за ним с интересом наблюдали.

– А сейчас у него на спине горб или кто-то сидит? – мне не давала покоя квалификация приходов.

Парень завыл:

– У меня на спине кто-то сидит! Ааааа!!! – и подбежал к лавке, на которой сидели девки. Те с визгом брызнули в разные стороны.

– М-да, – по-стариковски изрёк Паша, – всё-таки синька лучше. Все напитки по-разному, конечно, влияют. Водка бычья какая-то. Хоть под закуску, хоть и без. Без драки редко. Оскотинишься. Коньяк более дружелюбный, да больше бутылки и не выпьешь. Ром и текилу